

Моск. правда. - 2001. - 9 нояб. - с. 4

Три карты из эротической колоды

На смерть художника откликнулись многие. Белла Ахмадулина: «Параджанов не только сотворил свое собственное кино, не похожее на другое, он сам был кинематограф в непостижимом идеале, или лучше сказать: театр в высочайшей степени благородства, влияющий даже на непонятливых зрителей».

Этот некролог Ахмадулина назвала пушкинской строкой «Прощай, свободная стихия». Она вспомнила, как однажды шла круто вверх по тбилисской улице Котэ Месхи. Шла, зная, что не застанет своего друга, хозяина комнаты и веранды: «Он опять в тюрьме, он виноват в том, что - свободен. Он не умещается в предложенные нам обстоятельства, он вольный художник, этой волей он заполняет пространство и тем теснит притеснителей, не знающих, что это они - обитатели той темницы, где нет света, добра, красоты».

Виноват в том, что - свободен. Слова, не раз цитировавшиеся, ставшие крылатыми. Кому же принадлежит Параджанов? По алфавиту: армянскому, грузинскому, русскому, украинскому искусству. Он писал по-русски. А мыслит? Он называл себя «армянин грузинского разлива, тбилисского» и любил Тулуз-Лотрека. В Ереване есть его музей (открыт в 1991 году), мечтаю там побывать. Сергей Овсепович (Иосифович) Параджанов - 9.1.1924, Тифлис - 18.6.1990, Ереван, народный артист Украины (1990), Армении (1990) - достоинство всего мира и известен миру как художник и как режиссер цветного кино.

Эпитет «цветное» важен. Параджанов писал: «Я знаю, что моя режиссура охотно растворяется в живописи, и в том, наверное, ее первая слабость и первая сила... И мне доступнее всего та литература, которая по сути своей сама - преображенная живопись». Он был режиссером не литературного, а изобразительного кинематографа (в его «Саят-Нове» персонажи не произносят ни слова).

Своим учителем Параджанов считал «абсолютно молодого и удивительного режиссера Тарковского, который даже не понял, насколько он был гениален в Ивановом детстве» и какое удивительное наследие он открыл. Дело киноведов - рассказать о перекличке Параджанова и Тарковского.

В советское киноискусство Параджанов, как и Тарковский, не вписался. Был парием, изгоем. Отверженным. Сделал гораздо меньше, чем хотел бы и чем мог бы.

...Играл на скрипке и пел. Брал уроки танца. В 1945 году поступил во ВГИК. В мастерскую Игоря Савченко, которого сменил Александр Довженко, когда Савченко умер. Кинопоэтика Довженко была Параджанову близка.

В юности мечтал сыграть Лермонтова (сохранилась фотопроба). Написал сценарий по «Демону». Сценарий отклонили, как и большинство других.

Главные осуществленные ленты: «Тени забытых предков», 1965, «Цвет граната» («Саят-Нова»), 1969, «Легенда о

Сурамской крепости», 1984, «Арабески на тему Пиромани», 1986, «Ашик-Кериб», 1988. Жизнь закольцевалась фильмом по «турецкой сказке», записанной Лермонтовым в Тифлисе.

Что касается литературного и эпистолярного наследия, первая попытка его представить сделана сегодня издательством «Азбука»: **С. Параджанов. «Исповедь». Киносценарии. Письма**. На вклейках эскизы, коллажи, рисунки. Киносценарии «Исповедь», «Саят-Нова», «Лебединое озеро. Зона», «Демон» и др. Впервые опубликованы «Ара Прекрасный», «Чудо в Оденсе», «Мученичество Шушаник». Том в 656 страниц тщательно и любовно подготовлен Корой Церетели.

Я дорожу этой книгой. Ее недостаток - робость издателей. Не дело - публиковать документ, подвергнув самочинной цензуре. Если Параджанов пишет «вымазанное в говне», стоит ли заменять «говно» точками? Параджанов говорил то, что думал, невзирая на лица. Вымарано сказанное о фильме Ежи Гофмана «Пан Володыевский» (1969): «Что это такое? Огнем и мечом размахивают поляки и вызывают, понимаете ли, призрак пана Володыевского. Это ведь смешно». Вымараны оцен-

ки «Войны и мира» Бондарчука, «Анны Карениной» Зархи, «Преступления и наказания» Кулиджанова. Урезана критика эстетического воспитания в советской школе.

Робость вдвойне нелепая, потому что одновременно в нижегородском издательстве «Деком» вышел отличное оформленный том «Параджанов. Цена вечного праздника» В. Катаняна. Это совершенно разные книги (советую иметь обе), но многое из вымаранного в «Азбуке» читатель обнаружит здесь: и о запоздалом оформлении поляков, и обо всем прочем.

В 27 лет Параджанов пережил трагедию, связанную с религиозным фанатизмом. Нынче кажется, что такой фанатизм появился у нас лет на тридцать позже, а советские люди жили в своей «коммуналке», как добрые соседи. Так ли? В 1950-м в Москве Параджанов женился на татарке Нигяр Керимовой. Вскоре она была зверски убита родственниками за «вероотступничество». В фильме о Саят-Нове есть мотив религиозной войны. Выступая в Минске в 1971 году перед показом авторского варианта «Саят-Новы», Параджанов говорил о том, как сложился фильм: «Вот мне нужно было сто лошадей. Они (начальство. - В. П.) сказали:

«Сто лошадей на нашествие Ага-Мамед-хана - это невозможно. Лошади у Бондарчука (на съемках «Войны и мира». - В. П.). Я искал идентичное, простое решение для того, чтобы сделать нашествие Ага-Мамед-хана. Мусульманская рука с ятаганом, ударяющая христианский собор. Христианский собор, истекающий кровью, и распятие - символы поэта - для меня стали во сто крат интереснее».

Что ж, не удивлюсь, если кто-ни-

будь процитирует эти пророческие кадры как метафору событий 11 сентября в Нью-Йорке. Перед тем, как обезумевший лайнер пронзит небоскреб...

Параджанов (естественно!) обожал Восток во всей его пестроты. Жаждал уехать на два года в Иран, снять там «Лейли и Меджнун». От властей, ясно, что не иранских, получил отлуп. Мечтал снять и «Слово о полку Игореве». Тоже не сбылось.

Катанян приводит заметку из французской «Ле монд диманш»: «Диссидент ли он? Безусловно! Только не в политике, а в искусстве».

КГБ выбрал неополитическому диссиденту Параджанову, чтоб изолировать, как это часто делалось в 70-е, бытовуху. Судьба художника опровергает тезис, что после смерти Сталина власть стала «беззубой», «травоядной» и в целом вполне приемлемой.

В ЦК КПСС штудировали выступление в Минске, записанное осведомителем белорусского КГБ, перепланное в Москву и с преамбулой самого Андропова представленное Политбюро, а КГБ в Киеве уже готовил для Параджанова улики преступления: три карты из эротической колоды (целую пожалели), ручку в виде дамочки (перевернешь - чернила сливаются, дамочка оголяется). Под статью: распространение порнографии.

Остальное еще менее интересно. Письма Параджанова из тюрьмы, из лагеря - захватывающий и страшный роман. «Я свидетель удивительных трагедий... Высочайше мне дозволено писать и рисовать... Трудно сдружиться с коллективом. Я представитель мира Ларионовой и Зыкиной. Я не знаю, кто муж Зыкиной, и все сомневаются, что я режиссер... Повинной писать не буду. Посадили не для помилования... Мир ашугов, ангелов и архивов смешон перед патологией, жаргоном и просто татуировкой... Я в плену, а не в лагере. Плен!»

Понадобились долгие хлопоты друзей и личная встреча Луи Арагона с Брежневым, который страстно хотел улучшить отношения с французскими коммунистами, чтоб Параджанов, получив пять лет с конфискацией и отбыв четыре, вышел на свободу. В 1981-м последовал новый арест...

Параджанов дожил до горбачевских перемен. О Горбачеве сказал, как режиссер: «Приглядитесь к нему - это же идеальный актер на роль Гамлета. А вместо Эльсинора для съемок можно использовать Кремль».

У меня нет кассет с фильмами Параджанова. Как замечу в программе TV его имя, брошу все дела и сяду у телевизора.

Владимир ПРИХОДЬКО.

На снимках: маэстро в Голландии; Параджанов - Лермонтов.